

АВТОРСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ ИЛИ ЭГО-ДОКУМЕНТ?

© Любовь Сапченко

AUTHORIAL NOTES TO THE TEXT: AN ARTISTIC DEVICE OR AN EGO-DOCUMENT?

Lyubov Sapchenko

Based on the authorial notes to the “Letters of a Russian Traveler” by N. Karamzin, who separated “poetry” from “truth”, the article considers the following questions: how to determine the aesthetic nature of the notes; how they are connected with the change of literary trends, genres and styles, with the communicative function of verbal art, how the artistry of notes is formed; whether they are an integral part of the work; whether the author of the notes and the author of the main text are identical. We emphasize that Karamzin’s notes should be analyzed, first of all, in terms of his attitude to the problem of “literature and reality”, since for him authenticity was more important than artistry. The writer enters not into an artistically mediated, but into a direct dialogue with the reader, in order to gain his understanding and trust, to convince him of the veracity of what is described, while revealing a new level of understanding of what happened earlier. The article investigates the dynamics of the relationship between the notes and the main text. The special arrangement of the notes, the temporal and spatial distance separating them from the main text is interpreted as the evidence of their heterogeneity. We note the differences in their status: the main text, in principle, can exist and be perceived by the reader without the notes, albeit in a flawed form, while the publication of the notes in isolation from the main text is meaningless. The article highlights that it is in the literature of sentimentalism and, in particular, in Karamzin’s works, that a specific artistic quality of notes is developed in the form of a dialogue with an imaginary reader. The conclusion is made about the referential function of the authorial notes: in the “Letters of a Russian Traveler” they link literature and reality, the world of images and the real world, which is characterized by “its selective affinity” with the world of fiction.

Keywords: authorial notes, N. Karamzin, “Letters of a Russian Traveler”, literature and reality, referential function

В статье на материале авторских примечаний к «Письмам русского путешественника» Н. М. Карамзина, разделявшего «поэзию» и «правду», рассматриваются следующие вопросы: как определить эстетическую природу примечаний; как они связаны со сменой литературных направлений, жанров и стилей, с коммуникативной функцией словесного искусства, как формируется художественность примечаний; являются ли они неотъемлемой частью произведения; идентичны ли автор примечаний и автор основного текста. Подчеркивается, что примечания Карамзина следует анализировать прежде всего в аспекте его отношения к проблеме «литература и действительность», поскольку достоверность для него была важнее художественности. Писатель вступает не в художественно опосредованный, а прямой диалог с читателем с целью обрести понимание и доверие с его стороны, убедить его в правдивости описанного, обнаруживая при этом новый уровень понимания того, что происходило ранее. Исследуется динамика взаимоотношений примечаний с основным текстом. Особое расположение примечаний, временная и пространственная дистанция, отделяющая их от основного текста, осмысливается как свидетельство их гетерогенности. Отмечаются различия в их статусе: основной текст, в принципе, может существовать и восприниматься читателем без примечаний, хотя и в ущербном виде, тогда как публикация примечаний в отрыве от основного текста бессмысленна. В то же время указывается, что именно в литературе сентиментализма и, в частности, у Карамзина, формируется специфическое художественное качество примечаний в форме диалога с воображаемым читателем. Делается вывод о референтной функции авторских примечаний: в «Письмах русского путешественника» они связывают между собой литературу и действительность, мир образов и реальный мир, который характеризуется при этом «избирательным сродством» с миром художественным.

Ключевые слова: авторские примечания, Н. М. Карамзин, «Письма русского путешественника», литература и действительность, референтная функция

Для цитирования Сапченко Л. Авторские примечания к тексту: художественный прием или эго-документ? // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 169–174. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-169-174

Вопрос о соотношении документального и художественного в произведении, о сущности и статусе эго-документов – один из актуальных в современном литературоведении – представлен в масштабных научных проектах, в тематике российских и международных конференций. Однако он нечасто рассматривается на материале авторских примечаний к тексту. Между тем авторские примечания к основному тексту непосредственно связаны с комплексом проблем, среди которых можно выделить следующие: имеют авторские примечания справочно-документальную или художественную природу; как они связаны со смелой литературных направлений, жанров и стилей, с коммуникативной функцией словесного искусства, как формируется художественно-эстетическое качество примечаний; являются ли они неотъемлемой частью произведения; в каком качестве предстает в примечаниях категория «автор», идентичны ли автор примечаний и автор основного текста.

Сочинения Н. М. Карамзина, изобилующие примечаниями, позволяют пристальнее взглянуть на эти проблемы. Говоря о Карамзине, необходимо понимать, что постижение истины (то есть замысла Творца и цели человеческой истории и культуры) было для него куда важнее, чем создание воображаемого мира ради ухода от «бедной сущности». Документальные жанры оставались для него единственным и незаменимым источником подлинного исторического и философского знания. Достоверность для него была важнее художественности: «Истина сильнее воображения» [1, с. 276].

В связи с этим проблему карамзинских комментариев следует решать прежде всего в аспекте его отношения к проблеме «литература и действительность». Структура художественного текста у Карамзина направлена на то, чтобы читатель поверил автору, принял искусство за действительность. Именно это произошло с повестью «Бедная Лиза». Создавая иллюзию правдивости, писатель не выносил реалии за пределы основного текста. В отличие от «Писем русского путешественника» отсылки к конкретному месту и времени в «Бедной Лизе» не помещены в примечаниях, так как рассказанная история была заведомо вымышленной. Реальные пространственные (Симонов монастырь) и временные («лет за тридцать перед сим») координаты, помещенные

в основном тексте повести, безусловно, художественный прием.

Когда же повествование основывается на реальных фактах, автор стремится это особо подчеркнуть, вступая уже не в художественно опосредованный, а прямой диалог с читателем с целью убедить его в правдивости описанных событий и достичь желаемой цели – обрести понимание и доверие со стороны читателя.

Примечания, вскрывающие реальную основу поэтических образов, в том числе стихотворных, занимают у Карамзина особое место: это ссылки на достоверный источник, на эго-документ, на действительные события, положенные в основу сюжета и опять-таки подтвержденные документально.

Адекватно ли в этом случае отождествление автора примечаний и автора повествователя? По-видимому, нет, так как между ними проведена граница, черта, отделяющая примечания от основного текста¹. Этот зримый и отчетливый аргумент нельзя игнорировать, рассуждая о природе авторских примечаний.

Автор желает обрести единомыслие с читателем в восприятии не только воображаемого мира, но и мира реалий, лежащих в основе художественного образа, то есть действительности.

Непростое соотношение документального и художественного в основном тексте «Писем русского путешественника» стало предметом научной полемики среди авторитетных исследователей. По словам Ю. М. Лотмана, текст знаменитого карамзинского произведения «преподносится читателю как письма, но фактически письмами не является. <...> Перед нами — художественное произведение, умело „притворяющееся“ жизненным документом. <...> Нужно раз навсегда отрешиться от представления о том, что перед нами — биографический документ, и видеть в

¹ Внимание читателей не может не остановить карамзинское стихотворение «К верной» (1796), где к строчкам: «Далеко от людей, в лесу, в уединеньи, / Построю* домик для тебя, / Для нас двоих, над тихою рекою / Забвения всего, но только не любви...» — дается примечание под чертой: *В мыслях [2, с. 210], то есть автор, выдающий себя за переводчика, поясняет адресату стихотворения и читателям, что домик будет построен не в действительности, а в воображении поэта.

„Письмах русского путешественника“ художественное произведение, определенное характером замысла, построенного по законам искусства, как их понимал автор» [3, с. 228].

Прямо противоположную точку зрения выразила Г. Панофски. По ее убеждению, «Письма русского путешественника» следует рассматривать «не в качестве излияний вымышленного путешественника, а признать важным биографическим и топографическим источником». «Фактическую точность сообщений Карамзина можно проверить вплоть до второстепенных замечаний о погоде!», – пишет Панофски [4, с. 255].

Позднее мнение Панофски разделил М. Шиппан в статье «Николай Карамзин в Берлине – лето 1789 года». По его словам, «благодаря заметке, напечатанной Гердой Панофски (Gerda Panofsky) в *Neue Berlinische Intelligenz-Blatt*, теперь можно отметить, что даты, приведенные в „Письмах...“, и фактическое местопребывание Карамзина в Берлине совпадают день в день: Русский путешественник действительно жил с 29 июня (10 июля) до 8 (19.) июля 1789 года в отеле „Roi d'Angleterre“ на Brüderstraße» [5, с. 134–135.]. Исследователь считает, что сохранившиеся в архивах документы (вопросы приезжающим и их ответы, прозвучавшие в городских воротах, в гостиницах, постоялых дворах), информация в местных газетах о вновь прибывших и т. п. могут дать возможность проверить и конкретизировать маршрут фактического странствия Карамзина, независимо от указаний героя-повествователя в «Письмах русского путешественника».

Вполне объективно подошел к этой проблеме И. Клейн, по мнению которого «следует говорить не об абсолютной фактической точности „Писем...“, а только о тенденции к точности. Клейн указывает, на «то известное обстоятельство, что сама форма писем является фикцией, что соответствует распространенной в XVIII в. конвенции литературы путешествий» [6]. При этом, следуя за Лотманом, Клейн отмечает, что «эпистолярный стиль рассказчика сильно отличается от стиля автора: Карамзин проявлял в своей переписке далекую от сентиментализма своего путешественника сдержанность, не проявляя никакой склонности к эмоциональным порывам и сердечным излияниям. Поэтому нельзя считать образ автора, возникающий при чтении „Писем...“, точным портретом Карамзина; нужно, напротив, смириться с мыслью, что этот портрет носит по крайней мере частично фиктивный характер» [Там же]. При этом участники дискуссии не затрагивают в своем обсуждении особенности

стиля примечаний, где рассматриваемая проблема представляется еще более сложной.

Примечания Карамзина имеют стилевые отличия от основного текста. По своему лаконизму, информативности они оказываются ближе к подлинным карамзинским письмам как к эго-документу. Однако обращены примечания к читателю, то есть их автор – писатель, создатель литературного произведения, и, следовательно, категория «биографический автор» здесь не вполне корректна. «Письма» русского путешественника адресованы «друзьям». Примечания – воображаемому читателю литературного произведения. Другими словами, не следует затушевывать разницу, отождествлять эстетическую природу основного текста произведения и авторских примечаний к нему.

Соотношение примечаний с основным текстом может иметь динамический характер. Обладая определенной независимостью, примечания способны меняться, появляться и исчезать в последующих изданиях (при отсутствии перемен в основном тексте), нередко они имеют свою собственную историю создания. Основной текст и авторские примечания в известной мере автономны и неравноправны. Основной текст, в принципе, может существовать и восприниматься читателем без примечаний, хотя и в ущербном виде (так, нередко без примечаний издается «История государства Российского» Карамзина), тогда как публикация примечаний в отрыве от основного текста бессмысленна. В связи с этим актуализируется вопрос: насколько справедливо утверждение, что примечания являются неотъемлемым, художественно и эстетически равноправным элементом структуры произведения? По-видимому, статус основного текста и примечаний все же различен.

В русле сентиментализма происходит отказ от нормативной поэтики в пользу индивидуально-авторской. Категория «автор» (а следовательно, и «читатель») начинает приобретать ключевое значение.

Но тождественны ли автор основного текста и автор примечаний, если между ними часто возникает интеллектуальная, пространственная и временная дистанция? Идентичны ли в этом случае формы самопрезентации автора?

Так, авторские примечания в русском классицизме были предназначены просвещать читателя. Содержание примечаний – это истинное знание, с точки зрения автора. В литературе сентиментализма появляются примечания иного плана. Они направлены не столько на передачу важной для читателя информации, сколько на само общение, на диалог с ним, на обретение в

читателе единомышленника, друга, «сочувственника».

В примечаниях Карамзина нередко встречается авторское «я», его мнения, взгляды, впечатления, некоторые факты. Однако встает вопрос: все эти сведения касаются писателя как биографического автора и являются эго-документом, или же они остаются в парадигме автора-повествователя (автобиографического героя)? Отметить и сформулировать различия между ними бывает крайне трудно, в особенности если их в разных изданиях смешивает сам автор как таковой, то называя себя «русским путешественником», то оставляя собственные инициалы «Н. К.» [7].

Между тем граница (в том числе – графическая) между «я» в основном тексте и «я» в примечаниях, несомненно, существует, и стирать ее не стоит. Она противится уравниванию двух феноменов и не позволяет отождествлять автора основного текста и автора примечаний. Важнее попытаться определить и сформулировать несовпадения между ними.

Карамзин порой говорит в примечаниях от первого лица, авторское «я» часто присутствует в его примечаниях непосредственно. Но кто этот «я»? Биографический автор? Автор-повествователь? Или же автор-творец? Порой он объективирует себя, называясь «сочинителем» и отделяя себя от «автора-героя-повествователя» или временем, или пространством, или сменой взглядов. Но во всех случаях – это конкретный автор, а не вымышленный персонаж.

Так, в эпизоде о прочитанном в детстве романе Сервантеса маленький герой, воображая себя «Дон-Кихотом» и схватив ржавую саблю, отправляется ночью на гумно «искать приключений и противиться силе злых волшебников...» [8, с. 158]. Внизу страницы к слову «гумно» помещается примечание: «Я жил тогда в деревне». Но кто «жил в деревне»? Николай Михайлович Карамзин или же герой-повествователь / «русский путешественник»? Поскольку произведение создано в жанре писем к друзьям, следует признать, что в дружеских посланиях не принято делать подстраничные примечания. Следовательно, находясь за чертой, говорит о себе именно писатель, а не автобиографический герой «Писем...». Автор-повествователь в основном тексте и автор примечаний не тождественны друг другу. Примечания не принадлежат повествователю, хотя писатель нередко отмечает свою с ним идентичность. Так, путешественник, заканчивая очередное письмо к друзьям, говорит об усталости своего «серебряного пера». Автор примечания ком-

ментирует: «Все свои замечания писал я в дороге серебряным пером» [Там же, с. 19].

Именно за чертой автор примечаний сообщает читателю о времени и месте создания произведения, об обстоятельствах, сопутствующих этому. К ним примыкают те, которые прямо выражают чувства автора, его позицию, поясняют сущность сказанного. Ряд примечаний представляет собой, по сути, изложение эстетических, нравственных, политических и др. воззрений автора.

В некоторых примечаниях четко обозначены элементы самоописания: языковые, литературно-критические или стиховедческие аспекты работы автора, трудности перевода.

Примечания литературного плана могут содержать различные цитаты, сопровождаемые выражением чувств автора к тому или иному великому имени или выдающемуся творению с целью передать читателю свое собственное восприятие. Описания европейских впечатлений нередко сопровождаются постраничными ссылками на действительные факты и события.

В основном тексте «Писем русского путешественника» автор-повествователь (он же герой) не столько реальная личность, сколько личностная модель сентиментального мирозерцания. В примечаниях это так же не биографический автор, а лишь определенная его ипостась – автор как литератор, писатель. Термин «образ автора» тоже не вполне корректен для определения статуса автора в примечаниях, где текст не ориентирован на образность. Автор примечаний просвещает читателя, предугадывает его реакцию, предвосхищает его мнения, высказывает предположения о его вкусах, сомнениях, о его эрудиции и т. д.

Категория «читатель» в сентиментализме обусловлена категорией «автор», это близкий, понимающий его, сочувствующий ему человек, друг. И основной текст, и примечания имеют одно и то же предназначение: в ходе диалога с читателем подвести его к взаимопониманию и сопереживанию с автором. Согласие, взаимопонимание выступают как высшая форма человеческих взаимоотношений.

В примечаниях не творится новая реальность, не рождается воображаемый мир (то есть основной признак художественности), а создается лишь один его элемент: воображаемый разговор с читателем, но именно в литературе сентиментализма и, в частности, у Карамзина формируется художественное качество примечаний в форме диалога с воображаемым читателем. «Внешняя адресованность текста (посвящения, обращения к читателю) для искусства факультета

тивна и отнюдь не характеризует его художественной специфики» – говорится в «Словаре актуальных терминов и понятий» [9, с. 289], но дело в том, что в литературе сентиментализма – с ее культом дружбы, взаимопонимания и родства душ, с ее исповедальностью и автобиографизмом – внешняя адресованность совпадает с внутренней, заключенной в самом произведении. «Письма русского путешественника», созданные в жанре посланий к друзьям как читателям и читателям как друзьям, характеризуются единством внешней и внутренней адресованности.

Таким образом, карамзинские примечания в «Письмах русского путешественника» имеют двуединую природу – художественно-документальную. В пользу «художественности» примечаний говорит диалог, который ведет автор с воображаемым читателем, формируя его рецепцию, а также элементы авторской самоиронии, которая вклинивается в основной текст из примечаний, давая двойное освещение описываемого [10, с. 144].

В то же время безоговорочно считать примечания художественным элементом означает не поднимать их статус, а лишать их специфики. Вероятно, можно говорить об особой, а именно – референтной функции авторских примечаний в «Письмах русского путешественника». Примечания в этом произведении связывают между собой литературу и действительность, мир образов и реальный мир, который характеризуется при этом «избирательным сродством» с миром художественным.

В пользу того, что достоверность была для Карамзина важнее художественности, говорит тот факт, что в ходе его творческой эволюции и обращения к историческому повествованию примечания постепенно приобретают источниковедческий характер и становятся в «Исторических воспоминаниях и замечаниях на пути к Троице...», в «Путешествии вокруг Москвы», в «Истории государства Российского» научно-справочным аппаратом.

Список источников

1. Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Сочинения Н. М. Карамзина. Т. 1. СПб.: Изд-е А. Смирдина, 1848. С. 275–380.
2. Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1966. 424 с.
3. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.
4. Панофски Г. Приезд Карамзина в Берлин и его встреча с русским ветераном в Потсдаме. Факты вместо вымыслов // XVIII век: Сб. 26. Старое и новое

в русском литературном сознании XVIII века. СПб.: Наука, 2011. С. 254–287.

5. Шиппан М. Николай Карамзин в Берлине – лето 1789 // Карамзинский сборник. Наследие Н. М. Карамзина в истории и культуре России: сб. материалов Международной научно-практической конференции (Ульяновск, 5–6 дек. 2016 г.). Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017. С. 143–164.

6. Клейн И. «Письма русского путешественника» как документальный источник (Рец. на кн.: Panofsky Gerda S. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany: Fiction as facts. Wiesbaden, 2010) // НЛО. 2010. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/5/pisma-russkogo-puteshestvennika-kak-dokumentalnyj-istochnik.html> (дата обращения: 23.08.2023).

7. Русский путешественник [Карамзин Николай Михайлович]. Письма русского путешественника: В 6 ч. М.: В Университетской типографии у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797–1801.

8. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. 718 с.

9. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: изд-во Кулагиной Intrada, 2008. 358 с.

10. Сапченко Л. А. Типология авторских примечаний в сочинениях Н. М. Карамзина // Перекрестки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и в пространстве. Материалы Восьмых Международных научных чтений. В 2 ч. Ч. 1. Калуга: КГУ имени К. Э. Циолковского, 2022. С. 139–150.

References

1. Karamzin, N. M. (1848). *Istoricheskoe pokhval'noe slovo Ekaterine II* [A Historical Word of Praise to Catherine II]. *Sochineniya N. M. Karamzina*. T. 1, pp. 275–380. St. Petersburg, red. A. Smirdin. (In Russian)
2. Karamzin, N. M. (1966). *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete Collection of Poems]. 424 p. Moscow-Leningrad, Sovetskii pisatel'. (In Russian)
3. Lotman, Yu. M. (1987). *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. 336 p. Moscow, Kniga. (In Russian)
4. Panofski, G. (2011). *Priezd Karamzina v Berlin i ego vstrecha s russkim veteranom v Potsdame. Fakty vmesto vy'my'slov XVIII vek* [Karamzin's Arrival in Berlin and His Meeting with the Russian Veteran in Potsdam. Facts instead of Fiction. 18th Century]. Sb. 26. *Staroe i novoe v russkom literaturnom soznanii XVIII veka*, pp. 254–287. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)
5. Shippan, M. (2017). *Nikolai Karamzin v Berline – leto 1789* [Nikolai Karamzin in Berlin - Summer 1789]. *Karamzinskii sbornik. Nasledie N. Karamzina v istorii i kul'ture Rossii: sb. materialov Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* (Ulyanovsk, 5-6 dek. 2016 g.), pp. 143–164. Ulyanovsk, Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya. (In Russian)
6. Klein, I. (2010). *"Pis'ma russkogo puteshestvennika" kak dokumental'nyj istochnik*. (Rec. na

kn.: Panofsky Gerda S. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany: Fiction as facts. Wiesbaden, 2010) [Klein I. "Letters of a Russian Traveler" as a Documentary Source. (Book review: Panofsky Gerda S. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany: Fiction as Facts. Wiesbaden, 2010)]. NLO. No 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/5/pisma-russkogo-puteshestvennika-kak-dokumentalnyj-istochnik.html> (accessed: 23.08.2023) (In Russian)

7. Russkii puteshestvennik (Karamzin Nikolai Mihailovich) (1797-1801). *Pis'ma russkogo puteshestvennika*: V 6 ch. [Letters of a Russian Traveler: In 6 Parts]. Moscow, V Universitetskoi tipografii u Hr. Ridigera i Hr. Klaudiya. (In Russian)

8. Karamzin, N. M. (1987). *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. 718 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

9. *Poetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponyatii* (2008) [Poetics: A Dictionary of Current Terms and Concepts]. 358 p. Moscow, izd-vo Kulaginoi Intrada. (In Russian)

10. Sapchenko, L. A. (2022). *Tipologiya avtorskikh primechanii v sochineniyakh N. M. Karamzina* [Typology of Author's Notes in the Works of N. M. Karamzin]. *Perekrestki vzaimodeystviy: dialog russkoi i zarubezhnoi literatury vo vremeni i v prostranstve. Materialy Vos'mykh Mezhdunarodnykh nauchnykh chtenii. V 2 ch. Ch. 1*, pp. 139–150. Kaluga, KGU imeni K. E. Tsiolkovskogo. (In Russian)

The article was submitted on 24.08.2023

Поступила в редакцию 24.08.2023

Сапченко Любовь Александровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Ульяновский государственный
педагогический университет
имени И. Н. Ульянова,
432071, Россия, Ульяновск,
площадь Ленина, 4/5.
ssj-sla@mail.ru

Sapchenko Lyubov Alexandrovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Ulyanovsk State Pedagogical University
named after I. N. Ulyanov,

4/5 Lenin Square,
Ulyanovsk, 432071, Russian Federation.
ssj-sla@mail.ru